

док железной рукой. Когда в «Гран Торино» мы видим Иствуда первый раз, мы воспринимаем его как «грязного Гарри на пенсии», а бывших в таком деле, как известно, не бывает. Тем большим сюрпризом становится то, что Уолт оказывается не только решительным и жестким, но еще и умным и благородным. А ведь именно со времен «Грязного Гарри» актера часто обвиняли в симпатиях к реакционерам и мракобесам, что в общем-то ничем особенным не подтверждено: не считать же доводом, что Иствуд, редкий человек в Голливуде, поддержал кандидатуру Джона Маккейна, а не Барака Обамы (однако фигура Сары Пэйлин оттолкнула его от лагеря республиканцев).

Не спасло положение даже то, что его признали интеллектуалы обоих полушарий. Еще в 1980-м Музей современного искусства в Нью-Йорке организовал персональную ретроспективу актера и режиссера, в 1985-м она была повторена во Французской синематеке, а Иствуд удостоен звания рыцаря Почетного легиона. В 1994-м он возглавлял жюри Каннского фестиваля, и его называли живой легендой. Второй «Оскар» за «Малышку на миллион» должен был завершить процесс канонизации Иствуда. Но даже после диалогии об Иводзиме нападки на него не прекратились. Спайк Ли не нашел ничего лучше как заявить от лица афроамериканцев, что Иствуд оскорбил их, не показав в эпопее о битве за японский остров ни

одного черного лица. На что получил предложение «заткнуться»: согласно документам, ни один негр там не воевал. И вообще Иствуд интересовало другое.

Иствуд отнюдь не «пересматривает итоги» Второй мировой войны, не подвергает ревизии большую политику, не героизирует солдат императора-солнца. Он просто открывает за узкоглазыми лицами и воинственными командами-выкриками чувства очень молодых людей, которым ведомы и страх, и боль, и дружеская преданность, и нежные чувства. Режиссер далеко ушел от штампов в изображении японцев (ни разу не показав харакири, которое было массовым явлением на Иводзиме) и заставил увидеть вместо роботов-фанатиков людей, для которых патриотизм не был слепым, а мужество — автоматическим. Отсюда — уже совсем недалеко до «Гран Торино», где расовые предубеждения развеиваются как дым, хотя Иствуд несколько не идеализирует азиатских иммигрантов.

Клинт Иствуд, начинавший свою карьеру с образов отморозенных ковбоев и зверских копов, оказался одним из последних реальных гуманистов классического кино без иронии и без кавычек. В отличие от многих режиссеров своего возраста он снимает не потому, что боится умереть. А потому что боится при жизни стать рамоликом.

В прокате с 9 апреля

Судьба солдата в Америке Путь ветерана в американском кино комментирует Михаил Трофименков

УОЛТ КОВАЛЬСКИ, хотя и не побывал в северокорейском плену, как Реймонд Шоу, самый знаменитый киноветеран Кореи. Он такая же живая бомба замедленного действия, как и загипнотизированный коммунистами герой «Маньчжурского кандидата» (The Manchurian Candidate, 1962) Джона Франкенхаймера. Взрыв «бомбы» может быть смертельным для окружающих или самого героя с равной степенью вероятности. Фильмы Иствуда населены похожими на Уолта героями, хотя не все они доживают до его лет. Травмированный Вьетнамом ас из «Огненного лиса» (Firefox, 1982); сержант, прошедший огонь и воды, из «Перевала разбитых сердец» (Heartbreak Ridge, 1986); герои Иводзимы, ставшие зазывалами патриотической ярмарки тщеславия, во «Флаги наших отцов» (Flags of Our Fathers, 2006).

Ветеран — один из главных героев американского кино: Америка очень много воевала. Ветераны одной войны не успевают состариться, как накатывает новое поколение солдат. В «Старикам здесь не место» (No Country for Old Men, 2007) братьев Коэн освобождавший Францию шериф пытается спасти ветерана Вьетнама. «В долине Эла» (In the Valley of Elah, 2007) Пола Хэггиса уже «вьетнамец» ищет пропавшего сына — солдата иракской кампании. И в отличие от российского кино, перенаселенного бравыми «афганцами» и «чеченцами», супермены занимают в американской галерее ветеранов ничтожное место. Голливуд верен горькой истине: не только побежденный, но и победитель не получает ничего.

Подальше от родных пепелищ, в степи, на фронт уходили ветераны Южной конфедерации, проигравшей гражданскую войну, в вестернах Джона Форда. Самый известный — Этан Эдвардс (Джон Уэйн) в «Искателях» (The Searchers, 1956). Если у Форда есть достойный его ученик, то это, конечно, Иствуд.

У «потерянного поколения» Первой мировой на экране было мало куда податься. Увязнуть в криминальной трясине времен сухого закона в «Ревущих двадцатых» (The Roaring Twenties, 1939) Рауля Уолша, прямолинейно, но точно перекрещенных в советском прокате в «Судьбу солдата в Америке». Раствориться в толпе, бредущей по дорогам Великой депрессии, в «Героях на продажу» (Heroes for Sale, 1933) Уильяма Уэллмана. Уцелев в воздушных боях над Францией, разбиться на глазах у зевак в «Тусклых ангелах» (The Tarnished Angels, 1958) Дугласа Сирка: работа для асов находилась только на ярмарках.

Мироощущение ветеранов Второй мировой истощивающе формулирует название шедевра Уильяма Уайлера — война для них была «Лучшими годами нашей жизни» (The Best Years of Our Lives, 1946). Лица «вьетнамского» поколения: прикованный к инвалидной коляске пацифист Рон Ковик в «Рожденном 4 июля» (Born on the Fourth of July, 1989) Оливера Стоуна; вообразивший себя птицей пациент психушки в «Птахе» (Birdy, 1984) Алана Паркера; полицейский, продолжающий свою войну на улицах Чайнатауна в «Годе Дракона» (Year of the Dragon, 1985) Майкла Чимино.

«Гран Торино» вроде бы фильм простой, как три аккорда. Наивный, простодушный. Но это едва ли не первый из сотен и сотен американских фильмов о ветеранах, герой которого смог сказать себе с полным правом: «Война окончена». Пусть даже в свой смертный час.

